

М. Г. Булахов (Минск)

Творительный приэджективный в старобелорусском языке

Еще в XIX в. исследователи отмечали, что в древних и современных славянских языках творительный падеж имени существительного или местоимения может употребляться как зависимая от имени прилагательного форма со значением отношения, качества и внутреннего содержания признака: *хорош собою*, *высок ростом*¹, *църкви несказ(ан)ьны лѣпотою*², *богат чем*, *страстен чем*³ и под. Говоря специально об аналогичных конструкциях белорусского языка, Е. Ф. Карский писал, что творительный отношения (abl. limitationis) «употребляется при именах прилагательных и изредка при существительных для означения отношения, в каком известное качество приписывается предмету: пр^{ор}чица *имене^м* сивил'ла (З Сб. XVI в. Крас.); с^лкорь *с^ловесы* (896 Тайна Тайных XVI в.); коня почтового *шерстью* вороного (Акты В. А. К., т. 36, 22 Мин. XVI в.); поме^нши^н *вьсь* его *малы^м* *нечи^м* *ѿ агглы^в* (116 Псалт. XVI в.); свадзьба *слаўна пѣсьнями*, хаўтуры — *выям* (Ляцк. Посл. 39 Борис.)»⁴.

В новейших исследованиях по синтаксису славянских языков такой приэджективный творительный тоже обычно именуется творительным отношения или ограничения⁵. Естественно, что тер-

¹ Ф. И. Буслаяв. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 470.

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 462; см. также стр. 463—464.

³ Ф. И. Буслаяв. Указ. соч., стр. 514.

⁴ Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 418.

⁵ См.: Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 440—441; «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения». М., 1968, стр. 261—262.

мины эти объединяют довольно широкий круг значений, возникающих при сочетании разных по семантике существительных с качественными прилагательными в форме положительной или сравнительной степени. Не предлагая никаких терминологических замен, мы постараемся показать, что в старобелорусском письменном языке XV—XVII вв. имена прилагательные обладали не только собственными синтагматическими свойствами, но и свойствами, которые приобретались в процессе взаимодействия с глагольными и субстантивными конструкциями. При детальном обследовании письменности стало возможным выяснить лексический круг существительных, сочетавшихся с прилагательными, и обнаружить ряд значений творительного, которые обычно не учитывались историками языка. В связи с этим, по-видимому, следует рассматривать творительный приаъективный в более широком плане.

Несомненно, основная функция имени существительного в творительном падеже, поясняющего имя прилагательное, — указание на сферу выявления качественного признака, на предмет, к которому относится этот признак. С такой функцией в старобелорусской письменности чаще всего употреблялись существительные, обозначающие части тела человека и организма животного; *тѣло*, *плоть*, *сердце*, *лице*, *тварь*, *обличье*, *голова*, *рука*, *нога*, *язык* и др. Разумеется, существительные этой лексической группы могли сочетаться лишь с такими прилагательными, которые характеризуют определенные свойства или качественные состояния частей организма: *теломъ сытъ велми* (Скор., Судей, 9); *красенъ тѣломъ* (РИБ XIX, 162); *смертельный тѣломъ* (Лек., 159); *велмй стрѣпенымъ тѣломъ* (ДБМ, 3 об.); *тѣломъ здоровыми* (Варл., 306 об.); *спрацованыи тѣломъ* (Хрон. XVII в., 57 об.); *свята и тѣломъ и дугомъ* (Кат. Будн., 34 об.); *плотию надменныи* (РИБ XIX, 165); *согубъ ествомъ* (Там же, 39); *тому подобен поставою и мужством* (Трист., 35); *поставою покорныхъ и скромныхъ* (ЕК I, 106).

Семантические ограничения со стороны прилагательного отчетливо видны также в сочетаниях с другими существительными. Например, существительные *лице*, *обличье* выступали как зависимые слова при именах прилагательных *красный*, *хороший*, *унылый*, *нестыдательный* и под.: *красна лицемъ* (Скор., Бытия, 53); *бѣ бо оуныль лицемъ* (ПСРЛ XVII, 18); *обличем хорошо* (Там же, 256); *востанеть царь нестыдательный лицемъ* (Скор., Дан., 26).

Существительное *сердце* сочеталось главным образом с прилагательными *мудрый*, *премудрый*, *затверделый*, *правдивый*, *праведный*, *чистый*, *покорный*, *косный*, *слепый*, *скрушонный*, *упорный*, *смирный*, *легкий*, что подтверждается памятниками различного содержания: *мудрый сердцемъ* (Скор., Исход, 68); *прѣмудрый срѣцемъ* (Скор., Иов, 13 об.); *срѣцем не затверделы* (Псалт. XVI в., 96); *правдивыѣ срѣцемъ* (Там же, 38,95 об., 127); *праведни срѣцемъ* (Там же, 62 об.); *косни сердцемъ* (РИБ VII, 709); *чистые срѣцемъ* (ЕК, 5 об.); *покорный сердѣцомъ* (Там же, 15); *срѣцеѣ слѣпы* (ЕК I,

202); *покорный ср̑цем* (Там же, 280); *скр̑шбный ср̑цемъ* (ДБМ, 280); *оуп̑брных ср̑цемъ* (Хрон. XVII в., 193 об.); *смирѣнъ и ницъ есмь ср̑цемъ* (ССЖ, 210); *ср̑цем легокъ* (ПСРЛ XVII, 20).

Еще меньшее количество прилагательных распространялось сущестительными *голова, руки, ноги, язык, умъ, умысел, душа, дух: добръ головою* (Варл., 123); *невинный р̑жами* (Псалт. XVI в., 25); *р̑кою мощи* (Хрон. XVII в., 160); *овенъ животное бедрами не сильно* (РИБ VII, 890); *хромый ногами* (Скор., Притчи, 39 об.; Царств. II, 73, 81 об.); *скоръ тазыкомъ* (Скор., Сирах., 11); *гордъ есѣ тазыкомъ* (Скор., Притчи, 27 об.); *растлвныхъ умомъ* (РИБ VII, 924); *оумьсломъ был ласкавый и скромный* (Варл., 305); *душею бесмертна* (РИБ XIX, 77); *см̑тнымъ д̑шею* (ДБМ, 8 об.); *д̑шею шпемные* (Варл., 270); *нищій д̑хоу* (Кат. 1585 г., 11); *д̑шею чистыми* (Варл., 306 об.).

Интересно отметить своеобразные тавтологические сочетания с сущестительными-синонимами *сила, крепость, мощность* и прилагательными *сильный, дужий*: *силен крепостию* (Скор., Царств. I, 18); *силные мощноу* (Псалт. XVI в., 102 об.); *силою д̑жии* (Хрон. XVII в., 206 об.); *дужего силою* (Там же, 217 об.).

По значению главного компонента — имени прилагательного — к рассмотренным словосочетаниям близки сочетания типа: *многий силою* (Скор., Сирах., 49); *в̑ликъ силою* (Скор., Иов, 45).

При указании на возраст лица или животного в старобелорусском языке использовались сочетания прилагательных *малый* (*малъ*), *менший, молодой* (*младший*), *старший, зрелый, юный* (*оуный*) с формой творительного падежа сущестительных, которые выражают временные понятия: *час, лето, возраст* (*узрост*). Следовательно, продуктивность таких сочетаний регламентировалась как со стороны главного, так и со стороны зависимого компонента: *господаръ нашъ старший л̑тмы, а вашъ господаръ молодой л̑тмы* (АЗР I, 129); *онъ же старший л̑тмы былъ естѣ* (Скор., Бытия, 89 об.); *ныне же носмеваются мнѣ часомъ младшии* (Скор., Иов, 23); *младший есмъ леты вы же старшии есте* (Там же, 38 об.); *да приведуць юницу рижую зрелую л̑тмы* (Скор., Числа, 42); *и види цр̑ь кнѣза Дмитрея оуна возрастомъ* (ПСРЛ, XVII, 35); *млада оузростомъ* (Там же, 129); *и взростомъ своимъ бо бычъ малъ* (ЕК III, 196 об.); *малы в̑зростомъ* (Там же, 198 об.); *на взростомъ... и славою меншии* (Там же, 304 об.).

Аналогично адективным сочетаниям, выражавшим ограничение признака во времени, иногда употреблялись субстантивные сочетания, в которых главное сущестительное было словообразовательно связано с прилагательным, ср.: *набрали собѣ...боты велми ветхи, которы на знакъ старости л̑тмами зшиты были* (Хрон. XVII в., 165 об.). В подобных случаях вполне очевидно влияние адективной конструкции на субстантивную.

Особый интерес представляет история конструкции с прила-

гательными, обозначающими масти животных. Лексическую группу таких прилагательных составляло около 20 слов, известных и современному белорусскому языку: *голубый, сивый, серый, черный, рыжий, белый, вороний, гнѣдый, половой, мушастый (мышастый), строкатый, плеснивый, рябый, рудый, бурый, карый, тисавый*. В качестве зависимого члена при этих прилагательных употреблялось только одно существительное в творительном падеже — *шерсть*, которое являлось слабоуправляемым компонентом. Обычно оно находилось в препозиции к своему определяемому: украденъ ми конь мой *шерстью голубый* (АВК XXII, 283); продал коня своего властного, *ше(р)стю серого* (АВК XXXIX, 597); видел есми того пса, *шерстю черного*, на дорозе (АВК XXXVI, 359); коней трое мескихъ покраль, *шерстю рыжихъ* (ИЮМ VIII, 246); пограбилъ у мене коня *шерстью вороного* (АВК XXI, 143); а быкъ неукъ *шерстью гнедъ* (АВАК XVIII, 144); з стаини клячу *шерстью половая* украдена (Там же, 71); продал есми коня *шерстью мушастого* (ИЮМ XXXII, 188); и коня подмно ранили *шерстью карого* (АВК XXII, 169).

В роли главного слова подобных конструкций могли выступать также сложные имена прилагательные различной структуры (некоторые из них не сохранились в белорусском языке до нашего времени). Зависимая форма творительного падежа и здесь обычно находится в препозиции по отношению к главному слову: коня *шерстю гнедъ на половъ...* украли (ИЮМ VIII, 268); взято коня *шерстю темно-рыжого* (АВК II, 263); а клячу... *шерстью змышата тисавую...* нетъ ведома где поделъ (АВК I, 248); и клячу *шерстю подпалено-гнедую...* узялъ (АВАК XVIII, 154); кобылы, *шерстю щорна строкатое* (АВК XXXIX, 247); продал коня своего властного, *шерстю з рижя цемъного* (Там же, 284); пограбилъ... корову дойную *шерстю з рижя рябую* (АВК XX, 36); занято... подъездка одного *шерстю сцлова строкатого* (АВАК XVIII, 142).

В редких случаях зависимое имя существительное *шерсть* употреблялось в постпозиции по отношению к определяемому прилагательному: один кон(ь) *карый шерстью* (АВК XXXVI, 81); взято... у Мацка клячу *гнедую шерстю* (АВК XXII, 217); вола *рыжого шерстю* (АВАК VI, 86); украль дей зъ двора его Здетовецкого вола *полового шерстю* (Там же).

Конструкция, образуемая прилагательными со значением цвета шерстного покрова животных, постепенно разрушилась в белорусском языке, так как зависимое существительное оказалось избыточным смысловым компонентом при главном слове. Форма творительного падежа существительного *шерсть* не вносила дополнительных смысловых оттенков в абстрактное значение прилагательных указанной семантической группы, что повлекло за собой ослабление и синтаксических связей между главным и зависимым словами. Конечным результатом этого процесса

была утрата существительного в данном сочетании, причем тут играл определенную роль также стилистический фактор. Например, при наличии в предложении однородных членов — существительных, обозначающих животных, и прилагательных, обозначающих цвета шерсти животных, слово *шерсть* употреблялось один раз, т. е. при одном из управляющих прилагательных: конь *шерстью вороний* 1, свирепь *рижиъ* 2, свирепа *вороная* 1, свирепа *половая* 1, свирепа *белая* 1 (ДМАМЮ I, 125); тотъ Богущь, покидавши трое коней своихъ зъ седлами в дворе моемъ, *шерстью* одного *мышастого*, а *рижого* лысого, свирепу *гнедую*, такъ и волочную, шапку и ручницу и з двора моего утекъ (АВК XXI, 323); двое коней взялъ — одного валаха *шерстью сивого*, а свирепу *гнедую* (АВК XXII, 120); взяли коней трое — одного *шерстью сивого*, другого *рыжого*, третьего *вороного*, з возами и с колесами (АВК XXXVI, 109); коней пятеро ему погинуло с поля, меновите *шерстью* конь *сивый*, конь *плеснивый*, конь *рыжый*, инаходникъ *вороный* белокопытый, свирепа *гнедая* одна (АВК XXXVI, 163); воломъ двум одному *гнедому*, а другому *шерстью рыжому* хвосты повтинаны (АВК XXXVI, 83).

От такого ограничения одного из компонентов словосочетания, по-видимому, шел путь к полному устранению его и к употреблению прилагательного без поясняющего слова. По письменным памятникам примеры самостоятельного функционирования указанных прилагательных отмечаются с первой половины XVI в. Ср.: явился въ того Стаселя конь новый *рыжий* (АВАК XVII, 49); посылаь на своемъ *кони сивомъ* але не на *гнѣдомъ*, до пріятель своихъ (АВАК XVII, 97); даль есми *сверипу* ему *вороную* на мясо (АВАК XVII, 221); *коня карого* продалъ есми (АВАК XVII, 242); въ ночи зъ двора моего вывелъ *выжла рудого* (АВАК XVII, 326); и коней дей в насъ на тотъ часъ трое поотнимали, то есть *коня сивого*, *гнедого* и *свирепу половую* (АВК XXI, 94); другой *валах згинул сивый яблѣковитый* (АВК XXXVI, 197).

В живой белорусской речи XVI—XVII вв. возможно было употребление конструкций, в которых при обозначении масти животных функцию главного компонента выполняло существительное *шерсть* в форме родительного падежа, а функцию зависимого компонента — прилагательное рассматриваемой семантической группы. По значению такие трансформированные конструкции полностью соответствовали конструкциям типа «прилагательное + существительное *шерсть* в форме творительного падежа». Ср.: коня своего властного, *шерсти сивое*... продалъ (ИЮМ XXX, 10); опытъ чиниль о шкде своей, то есть о украденью свиньи его кормное, *шерсти белое* (АВАК XVIII, 27); у Волоса Клычкова взято... козу съ козенятемъ *шерсти бѣлое* (АВК II, 263).

Старобелорусскому языку, наверно, известна была конструкция, в которой вместо слова *шерсть* в отмеченном значении упо-

треблялось синонимичное ему общеславянское существительное *масть*. Правда, нам встретились в памятниках примеры, где речь идет не о животных, а о предметах: *летникъ китайки дупли, масти золотое* (ИЮМ VIII, 208); *кунтушь кароловой масти* (ИЮМ XVII, 194). Современному белорусскому языку свойственны сочетания типа *конь сівай масцi*.

Во всех рассмотренных нами адъективных словосочетаниях зависимые существительные в значении части или функции человеческого тела и организма животных посредством формы творительного падежа выражают ограничительные отношения, так как признак, названный прилагательным, распространяется только на известную часть целого. Аналогично этому в сочетании с качественными (реже относительными) прилагательными ограничивают сферу проявления признака и те зависимые существительные в форме творительного падежа, которые составляют группы конкретно-предметных и отвлеченных имен. Эта единая синтаксическая модель в разной степени реализовалась в зависимости от характера «интеллектуализации» речи (простая народная речь, письменно-деловая речь, отвлеченно-философская речь): *вельми мала и землею и людми* (АЗР I, 34); *вса земля наша... изобилна всимъ* (ПСРЛ XVII, 3); *Мы 860 мали числом¹* (Скор., Бытия, 64); *силнии въдатностию* (Скор., Иов, 13 об.); *нищии и гладомъ неплоднии* (Скор., Иов, 3 об.); *мужей иноческымъ житіемъ преименитыхъ* (РИБ VII, 789); *благоутробнии милостію* (РИБ VII, 938); *вельми несуть блудомъ* (ССЖ, 289); *светительствомъ* и *градъ оный славенъ есть* (РИБ XIX, 995); *Светель еси зацностью, богатествы, можностью, величествомъ, достоинств(ь)ю и поважностью* (РИБ XIX, 1014); *нетвердыхъ върою* (РИБ VII, 856); *честныхъ житіемъ* (АЗР V, 288); *смакомъ солбдіе сътъ* (Варл., 134); *цнотю и набкою дивные* (Там же, 292 об.); *досконал'ше наукою и писмомъ* (Октоих, 12); *мовою добры, а справами барзо спростни* (Лек., 138); *поважностью королевства былъ знаменитъ* (ЕК III, 253) и под. В данной группе сочетаний порядок размещения компонентов не обнаруживает строгой закономерности: зависимая форма существительного может находиться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к главному слову — прилагательному.

Далее рассмотрим творительный приадъективный, выражавший другие синтактико-смысловые отношения. В белорусском языкознании он еще почти не изучен, хотя письменность сберегла интересные факты. Интересно отметить, например, употребление с именами прилагательными *довольный, вольный, полный, простой, богатый* формы творительного падежа существительных, которая раскрывает внутреннее содержание признака: *довольни будете оброки вашими* (Скор., Второзаконие, 3 об.); *волен еси моим королевством* (Трист., 126); *если маем быти прости Трыщаном* (Там же, 110).

Конструкция данного типа оказывала определенное влияние на глагольные и причастные конструкции, в которых главное слово по образованию связано с соответствующими прилагательными. Существительное или местоимение в творительном падеже служит для раскрытия внутреннего содержания действия или отглагольного признака: *наполни плотию* (Скор., Бытия, 11 об.); *виномъ драгомъ* и *мастами наполнимоса* (Скор., Премудр., 4 об.); *наполняетъ ма гор'костями* (Скор., Иов, 14); *наполнитса грѣхами юности его* (Там же, 26); *гаростию исполненъ есмъ* (Скор., Сирах., 63 об.); *исполнилъ серцэ весельемъ* (Трист., 91); *напол'ненныхъ к'рохамі* (ЕГ, 54); *запалчивостью и гнѣвомъ наполнены* (ЕК, I, 140); *наполнили снапами* (Там же, 206 об.); *смѣтемъ и гноемъ наполнитса* (ДБМ, 304); *жалемъ вѣснол и гнѣвомъ наполндалса* (Варл., 9) и под.

В свою очередь адъективные словосочетания, в которых прилагательное деривационно связано с глагольными основами, испытывали на себе довольно сильное воздействие со стороны соответствующих глагольных сочетаний. В таких случаях творительный падеж выражал не ограничительные отношения, а разнообразные объектные и обстоятельственные значения: *кончеръ и бунчукъ серебромъ оправные* (АВАК XVIII, 240); *сайдакъ козацкій сэрэбромъ оправный* (АВАК XIV, 453); *шаблю оправную серебромъ* (АВК XXVI, 361); *великий златомъ оправный фонарь* (ВС IV, ч. 2, 53); *вечными часы, а ничимъ непорушными* (АВК XXII, 426); *на рок свой певный, а ничимъ не отменный* (ИЮМ XXX, 58); *пустил домъ свой власный, никому ничимъ не вступный* (Там же, 117); *до чогось дивного и оусты людскими невымовного* (ДВМ, 73).

Некоторые из этих сочетаний встречаются в параллельном с причастными конструкциями употреблении, не обнаруживая никаких стилистических и смысловых отличий, ср.: *въ томъ дворѣ было дей найпервѣй—у свирнѣ: кордъ, серебромъ оправный*, за кор дом ножи два, *серебромъ оправные* (АВАК VIII, 464); *перко жоравье белое, золотомъ оправленное*, коштовало полкопы грошей (АВК XXXVI, 197); *седло турецкое, на чирвономъ аксамитѣ, оправлено серебромъ* (АВК III, 284).

С предикативным употреблением, свойственным глаголам, связано функционирование творительного падежа с объектным значением при именах прилагательных *винен, повинен*, до нашего времени сохранивших в белорусском языке краткую форму: *вы будете вин'ни смер'тию всехъ* (Скор., Числа, 67); *и песте вин'ни грехомъ симъ* (Скор., Наввина, 43 об.); *Ктобы бил' раба своего или рабыню киемъ, и вмерли бы в рукахъ его, той грехомъ повиненъ будетъ* (Скор., Исход, 39 об.); *ты повиненъ почтеньемъ витезскимъ* (Трист., 113).

В деловой письменности XVI—XVII вв. эти прилагательные чаще образуют трехчленные сочетания, в которых, кроме творительного

тельного, употребляется еще дательный с объектным значением: *чим будет виненъ ему* (ЛС 1529, 109 об.); *зостал ми есть винен сумою* пят копъ грошей (ИЮМ XXXII, 5); *ia дей тымъ долгомъ ему не был виненъ* (Там же, 25); *зостал ми есть винен сумою* копъ шестьдесят (Там же, 26); *тобъ* Грыщанъ *невиненъ былъ ничымъ* (Трист., 11).

Такую же трехчленную конструкцию образовывало прилагательное *пенный* (<пеня 'штраф'): а тые два пруты которые от двора Окулинина, *никому ничимъ не пенные* ани винные... продал (ИЮМ XXXII, 22); домъ свой властный, отчызный, Громовский, *никому ничымъ не пенный* (ИЮМ XXII, 212).

При некоторых качественных прилагательных форма творительного падежа в обстоятельном значении обнаруживает тенденцию превращения в наречие, что опять-таки свойственно не адъективным, а глагольным сочетаниям. В подобных случаях изменяется также характер синтаксической связи между главным и зависимым словами, т. е. на месте управления (конечно, очень ослабленного) развивается примыкание. Следовательно, мы тут имеем уже адъективно-адвербиальную конструкцию: *коневка серебряная, большъ кварты, мѣстцами золотистая* (АВК II, 44); *мѣдница зъ налившю серебряная, мѣстцами золотистая* (Там же, 45); и *оучинишь емѹ лиштвѹ золотѹю* вколо, а на *лиштвѹ коронѹ мѣстцами гладкѹ* (Хрон. XVII в., 102 об.).

Таким образом, даже краткий обзор материалов письменности показывает, что творительный беспредложный при именах прилагательных обладал разнообразными синтаксическими функциями, не сводящимися только к понятиям «отношение» и «ограничение признака». Развитие смысловых и словообразовательных связей прилагательного с другими частями речи (глаголом, существительным) привело к активизации и расширению его синтагматических свойств, в частности к тому, что приадъективный творительный на определенном историческом этапе получил возможность выражать наряду с исконными значениями объектные и обстоятельные отношения.

Основные источники и сокращения

- АВАК VI, VIII, XIV, XVII, XVIII — Акты, изд. Виленской археографической комиссией, т. VI, Вильно, 1872; т. VIII, 1875; т. XIV, 1887; т. XVII, 1890; т. XVIII, 1891.
- АВК I, II, III, XX, XXI, XXII, XXXVI, XXXIX — Акты, изд. комиссией, высочайше учрежденной для разбора древних актов в Вильне (то же: Акты, изд. Виленской комиссией для разбора древних актов), т. I, Вильно, 1865; т. II, 1867; т. III, 1870; т. XX, 1893; т. XXI, 1894; т. XXII, 1895; т. XXXVI, 1912; т. XXXIX, 1915.
- АЗР I, V — Акты, относящиеся к истории Западной России, собр. и изд. Археографической комиссией, т. I. СПб., 1846; т. V, 1855.

- Варл.— История о Варлааме и Иоасафе. Кутеин, 1637.
- ВС IV — Витебская старина, т. IV. Сост. и изд. А. Сапунов. Витебск, 1885.
- ДБМ — Духовные беседы святого отца нашего Макария, пустельника египетского. Вильно, 1626.
- ДМАМЮ I — Документы Московского архива Министерства юстиции, т. I, М., 1897.
- ЕК I, II, III — Евангелие Каллиста, ч. I—III. Евье, 1616.
- ЕТ — Евангелие В. Тяпшнского, XVI в.
- ИЮМ VIII, XXII, XXX, XXXII — Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Изд. под ред. Созонова; вып. VIII, Витебск, 1877; вып. XXII, 1889; вып. XXX, 1903; вып. XXXII, 1906.
- Кат. Будн.— Катихизис для деток христианских языка русского, коротко выложена. Несвиж, 1562.
- Кат. 1585.— Катихизис. Вильно, 1585.
- Лек.— Лекарство на оспалый оумысл человечесий... Острог, 1607.
- ЛС 1529 — Литовский статут 1529 г. Изд. АН БССР. Минск, 1960.
- Октоих — Октоих. Дермань, 1603.
- Псалт. XVI — Псалтырь XVI в. (рукопись).
- ПСРЛ XVII — Полное собрание русских летописей, т. XVII. СПб., 1907
- РИБ VII, XIX — Русская историческая библиотека, т. VII. СПб., 1882.
- Скор.— Ф. С к о р и н а. Библия, книги Бытия, Второзаконие, Даниила, Иова, Исход, Иисуса Наввина, Премудрость Соломона, Иисуса Сирахова, Царств, Числа, первопечать. Прага, 1518—1519.
- ССЖ — Сборник слов и житий святых (рукопись XVII—XVIII вв.).
- Трист.— Повесть о славном рыцэры Трыщане.— В кн.: А. Н. В е с е л о в с к и й. Очерки по истории романа и повести.— Сб. ОРЯС, т. 44. СПб., 1888.
-